ORBIS LITTERARUM

УДК 94(470)"19/..."(092)Страховский Л.И.
ББК 63.3(2)6-8Страховский Л.И.,8,2ю14
DOI 10.25281/2072-3156-2020-17-4-426-437

Н.Н. НОСОВ

Л.И. СТРАХОВСКИЙ: МЕЖДУ СИМВОЛИЗМОМ И АКМЕИЗМОМ (ПО ЗАРУБЕЖНЫМ ПУБЛИКАЦИЯМ)

Николай Николаевич Носов,
Российская государственная библиотека,
научно-исследовательский отдел библиографии,
научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия

ORCID 0000-0001-6079-2677; SPIN 7786-8622
E-mail: Nossov1984@mail.ru

Реферат. *Статья посвящена стихотворному и прозаическому творчеству русского писателя и поэта первой волны эмиграции Л.И. Страховского (псевдоним Леонид Чацкий; 1898–1963), отразившемуся в зарубежных изданиях его сочинений на русском языке. Возвращая культуре и вводя в литературоведческий оборот имя этого ныне полузабытого на родине автора, статья представляет собой попытку раскрытия тематико-стилистического разнообразия поэзии и прозы Л.И. Страховского. Объектом исследования послужили зарубежные публикации художественных произведений Л.И. Страховского в отдельных книгах, альманахах и периодике, издававшихся в Бельгии, Германии, Канаде и выявленных по каталогам фондов ведущих российских библиотек (Российской государственной библиотеки, Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына) и библиотечным ресурсам, отображающим зарубежные русскоязычные публикации Л.И. Страховского. В статье выделяются и анализируются основные стилистические (символизм, акмеизм, «младший акмеизм») и тематические (автобиографическая, английская, мистическая) составляющие творчества Л.И. Страховского, раскрываются их индивидуальные особенности, своеобразие их константности и взаимовлияния. Главной из таковых особенностей выступает возможность стилистической периодизации творчества Л.И. Страховского на основании повышенной склонности автора к циклизации своих произведений при отсутствии творческой эволюции в обыкновенном*

понимании и устойчивом характере его творчества на протяжении всей жизни. Для рассмотрения изданий и анализа характера сочинений самого Л.И. Страховского привлекается контекст российской и эмигрантской литературы его эпохи, творчески связанный с Л.И. Страховским основными ее фигурантами, отмечается литературное и культурное влияние Л.И. Страховского.

Ключевые слова: Л.И. Страховский, поэзия, проза, символизм, акмеизм, «младшие акмеисты», автобиографические мотивы, английские мотивы, мистические мотивы, тематико-стилистическое разнообразие.

Для цитирования: *Носов Н.Н.* Л.И. Страховский: между символизмом и акмеизмом (по зарубежным публикациям) // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17, № 4. С. 426—437. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-4-426-437.

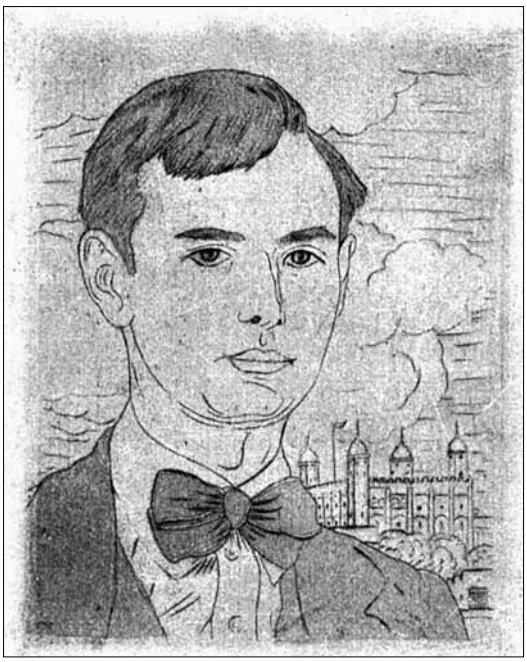

Рис. 1. Л.И. Страховский (портрет)
Художник: И.И. Мозолевский [14, с. [2]]

Леонид Иванович Страховский (1898—1963) (рис. 1) — заметная фигура русского зарубежья первой волны эмиграции: официально — профессор истории нескольких зарубежных университетов, творчески — Леонид Чацкий, поэт и писатель.

Родился Л.И. Страховский в Оренбурге. В 1917 г., окончив Царскосельский (Александровский) лицей, поступил в Петроградский университет. В 1918 г. он бежал в Архангельск, где вступил во французский Иностранный легион, принял участие в борьбе с большевиками, после оказался в Великобритании, затем в Берлине и в Бельгии, где в 1928 г. окончил Католический университет Лувена со степенью доктора исторических наук. В конце 1920-х гг. Л.И. Страховский преподавал в Джорджтаунском университете, в 1937—1942 гг. занимал должность профессора европейской истории в Университете Мэриленда. В 1943 г. обучал русскому языку и литературе в Гарвардском университете. С 1948 г. преподавал на славянском отделении Университета Торонто, перебравшись в Канаду, где и окончил свои дни.

Имя Л.И. Страховского и его художественное творчество, как поэтическое, так и прозаическое, мало известно современному российскому читателю по причине отсутствия переизданий его сочинений и немногочисленности о нем литературоведческих работ[1]. Чаще всего о Л.И. Страховском заходит речь лишь попутно в контексте его творческого взаимодействия с В.В. Набоковым.

Однако Л.И. Страховский вспоминал: «Я с детства сочинял стихи и вообще “пописывал”» [2, с. 78], издав за время жизни две книги рассказов, три сборника стихов и книгу переводов. Кроме того, в 1960—1963 гг. Л.И. Страховский был первым редактором созданного им в Торонто журнала русской культуры и национальной мысли «Современник», где публиковались его произведения и воспоминания, не входившие в отдельные авторские книги.

Даже при беглом сопоставлении различных произведений Л.И. Страховского становится заметно характерное для его творчества тематическое и стилистическое разнообразие. Как поэт и писатель Л.И. Страховский отличается отсутствием хронологической смены творческих парадигм. При обращении к его сочинениям выделяется несколько тематико-стилистических

[1] Известно появившееся в 2017 г. электронное переиздание всех стихотворений Л.И. Страховского [1].

констант, однако они не сменяют друг друга хронологически в процессе писательского развития автора, но сосуществуют в его творчестве постоянно и вне зависимости от течения времени. Вместе с тем эти тематико-стилистические константы не сливаются в общий плавильный котел, а достаточно отчетливо разграничиваются самим автором по циклам и книжным изданиям, что позволяет выявлять их с достаточной ясностью.

Возможно, эта внятность, которую Л.И. Страховский сохраняет за собой при всем тематико-стилистическом разнообразии творчества, объясняется тем, что исток его творческих начинаний лежит в акмеизме. Свое «крещение в поэты» Л.И. Страховский приписывает Н.С. Гумилеву, с которым в начале 1918 г. его познакомил Г.В. Иванов: «Мы пошли по Летнему саду. <...> Мы представляли довольно странную пару в большевистском Петербурге. Я “донашивал” лицейскую форму. На мне была лицейская фуражка, и одет я был в черное пальто с золотыми пуговицами, на которых сияли двуглавые орлы, а на Гумилеве были элегантное пальто английского покроя и фетровая шляпа. <...> Гумилев попросил меня прочесть свои стихи, и я прочел одно, как сейчас помню, начинавшееся следующими строками:

Твой портрет в деревянной раме
Смотрит вдумчиво со стены.
Ах, стихи о Прекрасной Даме
Не тебе ли посвящены?

Когда я кончил, Гумилев сказал: “Хорошо, запоминаются”. И повторил первую строфу» [3, с. 60—61].

Попытку раскрытия *тематико-стилистического разнообразия творчества* Л.И. Страховского представляет собой настоящая статья. Источниковой основой для нее послужили книжные издания произведений Л.И. Страховского, хранящиеся в фонде литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки и в фонде Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. Навигатором по библиографии Л.И. Страховского также служила база данных «Книги на русском языке, изданные за рубежом, 1927—1991» [4]. В статье делается упор на отдельные книжные издания Л.И. Страховского, так как именно они в наибольшей степени содействуют раскрытию интересующих сторон его творчества, но при необходимости производится обращение к номерам журнала «Современник» как основного периодического органа, отмеченного редакторской деятельностью и печатными публикациями Л.И. Страховского.

СИМВОЛИЗМ

Акмеизм Н.С. Гумилева мог бы не сложиться без своего объекта противостояния — символизма. Л.И. Страховский же осваивает в своем творчестве прежде всего символизм. Символисты ввели в поэзию героев итальянской народной комедии масок дель арте пьесу «Балаганчик» А. Блока, сценический образ черного Пьеро, использовавшийся А.Н. Вертинским и др. Персонажей площадного театра они переосмыслили в эстетике декаданса, и Арлекин, Пьеро, Коломбина, Полишинель сделались для символизма одним из клише. Не без влияния бельгийских и французских символистов[2] и того же А.Н. Вертинского персонажи дель арте в символизме сгруппировались вокруг центрального образа Пьеро, олицетворявшего печаль неразделенной любви при незримой внутренней утонченности, оттеняемой внешней нелепостью.

В этой же традиции образ Пьеро разрабатывает и Л.И. Страховский. Таковы стихотворения из его первой книги (рис. 2), выделившиеся в цикл «Смуглый Пьеро» («Смуглый Пьеро» [5, с. 14], «Лунный Пьеро» [5, с. 29], «Жертвоприношение» [5, с. 30] и «Запах вашей пудры прян и сладок...» [6, с. 252]). Цикл не имеет сюжетности, но у него вполне предсказуемый финал, поданный в символистской традиции решения судьбы образа Пьеро: нелепость лунной мечтательной рассеянности сменяется трагедией. Но если у А. Блока и трагедия с ее клюквенным соком вместо крови остается кукольной, то у Л.И. Страховского она выходит из игрушечного пространства в область подлинной катастрофы:

[2] Напр., сборник стихотворений А. Жиро «Лунный Пьеро» (1884); «Пьерро» Ж. Лафорга, появившийся в переводах В.Г. Шершеневича (Москва : Альциона, 1918) и др.

«...Как на картине написан пестро
На лице смеющийся ужас...
Это — конец смуглого Пьеро, —
На шее веревка все туже, туже...»
[5, с. 30].

Констатация катастрофы для творчества Л.И. Страховского не есть нечто однократное и отдельное: еще большую развернутость она обретает в его прозе.

АКМЕИЗМ

Своеобразное возвращение от преодолевшего символизм реализма к «игрушечности», «вещности» являет собой второй сборник стихов Л.И. Страховского «У антиквара» [7] (рис. 3), в котором поэт отдает дань акмеизму. На творчестве Л.И. Страховского не могло не сказаться влияние законодателя этого течения Н.С. Гумилева, на всю жизнь оставшегося для него учителем[3].

Каждое из стихотворений сборника посвящено тому или иному предмету, наблюдаемому автором в условной антикварной лавке. В плане содержания акмеизм Л.И. Страховского парадоксален тем, что, представляя по сути попытку отказа от символистской метафизики в пользу возврата к ясному изображению конкретной предметности, здесь, не останавливаясь на этом, он словно бы делает круг, вновь возвращаясь в трансцендентность и одушевляя описываемый предмет:

«Фарфоровая гейша склонилась
Над севрским пастушком,
Даруя ему, как милость,
Хризантем белоснежный ком...».

Две волей случая попавшие рядом антикварные статуэтки поэт вписывает в ситуацию, возможную с живыми людьми, — и разрешает ее не по-акмеистски, а так, словно бы речь и ведется о живых людях:

Рис. 2. Обложка издания [1]

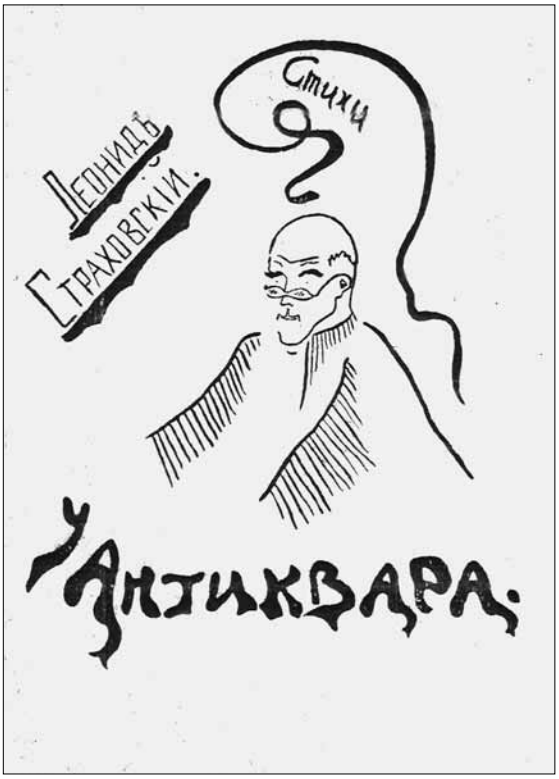

Рис. 3. Титульный лист издания [7]

[3] Что подтверждается текстом посвящения, открывающего позднейший сборник стихов Л.И. Страховского «Долг жизни»: «Памяти безукоризненного поэта, совершенного кудесника русского слова, дорогого и уважаемого Друга и Учителя НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА» [4, с. 3].

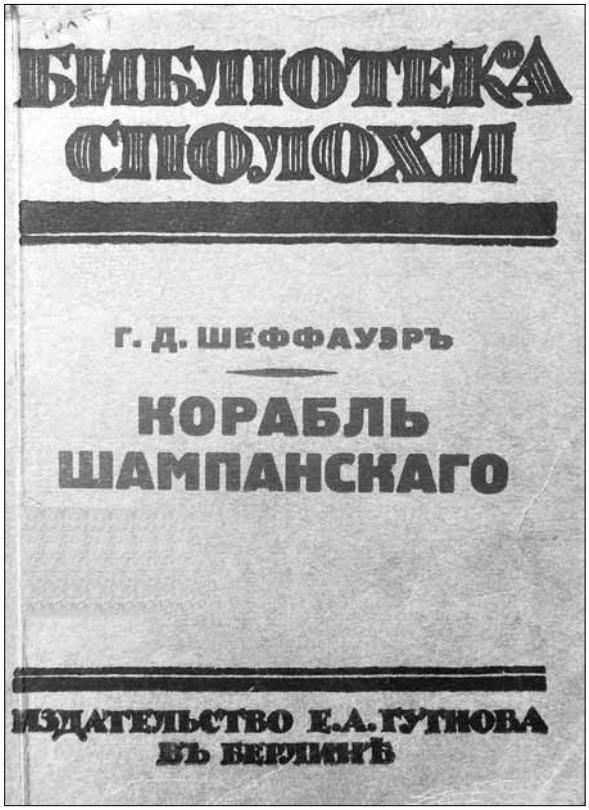

Рис. 4. Обложка издания [10]

«...Весело реяли звуки
(Японский ли гимн или вальс?),
Как вдруг, от любви или скуки,
Полка с гвоздя сорвалась.

И, качнувшись бесстыдно и нежно,
Фарфоровая гейша и пастушок
Полетели, обнявшись, в бездну...».

Эти строки, казалось бы, возвращают стихотворение в область символизма. Но завершает Л.И. Страховский в акмеистском («предметном») ключе:

«...Серенький злобный рок
Полку качал равнодушно
(Независим земли удел!), —
А на полу лежали бездушно
Осколки фарфоровых тел»
[7, с. 7].

Такое взаимопроникновение акмеизма и символизма, с одной стороны, снимает с произведения возможный символистский пафос драмы, а с другой, передавая в нем обыденность катастрофической повседневности, наделяет его той бессильной неразрешимостью, которую символизм с его изначально романтическим восприятием никогда бы реалистически не выразил.

В плане выражения и символистский, и акмеистский стих Л.И. Страховского подчас подвергается форме, присущей уже позднему символизму, но официально провозглашенной Н.С. Гумилевым для акмеизма: «Акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов, более, чем когда-либо, вольной перестановкой ударений, и уже есть стихотворения, написанные по вновь продуманной силлабической системе стихосложения» [8, с. 87]. Влияние этой силлабики заметно хотя бы в вышеприведенных стихотворных фрагментах акмеистского образца, тогда как в стихах Л.И. Страховского, тяготеющих к символизму, чаще сохраняется классическая силлабо-тоническая метрика.

В то же время Л.И. Страховский как акмеист в значительной части своих поэтических произведений преодолевает первоочередное влияние Н.С. Гумилева, начиная тяготеть стилистически и тематически к тональности своих современников — «младших акмеистов» Г.В. Иванова и Г.В. Адамовича. Для Л.И. Страховского это в очередной раз не смена творческой парадигмы, а одно из направлений в его поэзии, следующее наряду с иными на протяжении всего творческого пути. Явное исключение здесь составляет лишь сборник «У антиквара», тяготеющий к акмеизму в чистом виде, тогда как соответствующие стихотворения из сборников «Ладья» и «Долг жизни» [9] и из периодики не обнаруживают существенных стилистических различий. Для этих стихов характерна силлабо-тоническая выправленность формы, краткость и экзистенциалистские обобщения. Такие стихотворения реже выделяются автором в циклы, но пронизывают весь путь творчества как цементирующая база его поэтической деятельности, а оттого представляются наиболее убедительными и неподдельными.

Невластность времени над лирикой Л.И. Страховского становится особенно очевидной при сравнении его ранних и поздних стихов. Взяв, например, последние строфы раннего стихотворения «Снежная ночь» и позднего стихо-

творения «Пробужденье», можно наблюдать постоянство тональности, о которой ведется речь:

«...Затихают шаги на улицах...
Меркнет радужный свет фонарей.
А мне в небе сказочно чудится
Образ Божьих отверстых дверей»
[5, с. 32].

«...Круг завершен. Ничего мне не надо.
Вижу над озером запада синь —
Там пробужденье, покой и отрада
В лоне Господнем. Навеки. Аминь»
[9, с. 51].

Одним из наиболее совершенных проявлений этой тематико-стилистической грани творчества Л.И. Страховского является цикл «Восьмистишия» [9, с. 29—34], характеризующийся краткостью, лаконизмом, вплетающим в себя нерв тезиса, и экзистенциальной метафизикой вывода.

С акмеистскими исканиями связана и переводческая деятельность Л.И. Страховского. Для перевода он избрал рассказы калифорнийского писателя Германа Джорджа Шеффауэра (1876 или 1878 — 1927) «Корабль шампанского», «Плавучий лес» и «Корабль в неволе», составившие сборник «Корабль шампанского» [10] (рис. 4). В сущности, акмеизм сборника больше выражен не в самих этих рассказах (они тяготеют к массовой беллетристике), а в восприятии их переводчиком, раскрываемом в предисловии к книге: «В этих трех рассказах Шеффауэра <...> чувствуется влияние его восьмилетней работы архитектора, ибо построение его рассказов то легко, как американские небоскребы, то массивно и крепко, как эти же колоссы из кирпича, цемента, стекла и стали, но всегда выпукло архитектурны» [10, с. 7—8]. Такое восприятие согласуется с положением статьи «Утро акмеизма» О.Э. Мандельштама: «Акмеизм — для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы» [11, с. 46].

В составлении данного сборника в очередной раз отразилась склонность Л.И. Страховского к литературной тематической циклизации: «Все эти три рассказа трактуют море и жизнь кораблей. <...> Выбор этих рассказов — мой, и я нарочно подобрал три морских рассказа. Но это отнюдь не значит, что автор исключительно писатель моря. Нет. Я был поставлен перед труднейшей задачей выбора из многочисленного материала, предоставленного мне автором. И я решил для цельности книги остановиться на этих трех» [10, с. 8—9].

Рис. 5. Обложка издания [14]

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

В стихотворном творчестве Л.И. Страховского среди прочих находит место автобиографическая тема. Прежде всего, это лицейская и военная лирика. Цикл «Стихи о лицее» целиком вошел в книгу «Долг жизни» [9, с. 35—38] и представляет собой не что иное, как стихи за 20 лет разных годов создания, приуроченные к годовщине открытия 19 октября 1811 г. Царскосельского (Александровского) лицея, в котором учился автор.

Рис. 6. Титульный лист издания [15]

Цикл «Война» воссоздается по двум стихотворениям со страниц альманаха и периодики: «Северное небо горит зарёй...» [12, с. 2] и «Смерть» [6, с. 251]. Целостность цикла обеспечивается образом войны, создающимся посредством привлечения явлений религиозного свойства: в первом стихотворении войну олицетворяет пирующий кровью дьявол; во втором ему, блуднице и антихристу силятся противостоять Имя Имен и Богоматерь. Однако злые силы одолевают беспощадно: взглядам Л.И. Страховского вообще присущ скептицизм, так или иначе пронизывающий все грани его творчества.

АНГЛИЙСКИЕ МОТИВЫ

Сообразно установке на описание явственного мира, акмеистам, искавшим необычайное в окружающем, а не в потустороннем, было свойственно привлекать экзотику в качестве творческого материала. Но если для Н.С. Гумилева это были и впрямь экзотические страны и народы, далекие от европейских реалий, то экзотикой для творчества Л.И. Страховского стала Великобритания, краткое пребывание в которой успело сделать его эстетическим англофилом.

В Лондоне Л.И. Страховский познакомился с В.В. Набоковым и Г.П. Струве. Впоследствии все трое покинули существовавшее в 1922 г. в Берлине содружество писателей, художников и музыкантов «Веретено», вслед за которым Л.И. Страховский организовал творческое объединение «Братство Круглого Стола». Уже само его название отсылало к британским национальным легендам о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола.

Восторженность Л.И. Страховского британской культурой нашла отклик прежде всего в стихотворении «Англия, страна зелени яркой...» [5, с. 7], в циклах «Старая Англия» [5, с. 44—49][4] и «Стихи о Лондоне» [9, с. 9—10][5].

Между тем, интерес Л.И. Страховского к английской культуре имел и свою критическую сторону. В статье «О современной английской литературе» [13, с. 35—37] он констатировал ее неблагополучие: «Совершенно ясно, что сейчас английская литература переживает период сильного упадка. Их собственная пища — среда родной Англии — уже пережевана. И взгляды тех немногих, увы, которые это сознают, обращены на Восток, на Россию. От нас ждут они новой животворящей струи» [13, с. 37]. Полностью переработанным Англией (в лице О. Уайльда, О. Бёрдслея и Э. Доусона) Л.И. Страховский находит и наследие французских символистов.

«А вот дом, где во втором этаже, в мягких креслах за стаканом соды с виски собирались у Джона Лэна его друзья: Оскар Уайльд, Эрнест Доусон, Обри Бердслэй, Джон Уоттс, Дантэ Габриэлэ Росетти...», — предает-

[4] Стихотворения «На холмах Сассекса», «Последний пир», «Цветы вербены», «На кладбище св. Мэри» (все написаны во время пребывания Л.И. Страховского в Англии).

[5] Стихотворения «Часы», «Вайтхолл», «Над Темзой». В последнем речь идет об «Игле Клеопатры» — древнеегипетском обелиске в окружении двух сфинксов на набережной Виктории (часть набережной Темзы). Этих сфинксов автор сравнивает со сфинксами на Университетской набережной Санкт-Петербурга.

ся Л.И. Страховский воспоминаниям об увиденном в предисловии к первой книге своих рассказов «Фантазии лорда Генри» [14, с. 9] (рис. 5). В сборнике все рассказы посвящены Англии, но одноименная повесть выделяется особенно, намечая очередную из тематических граней Л.И. Страховского — мистическую, выразившуюся прежде всего в прозе. Завязку «Фантазий лорда Генри» являет собой ситуация, когда главный герой, заимствованный автором из «Портрета Дориана Грея» О. Уайльда, начинает подвергаться видениям, порождаемым в нем созерцанием различных рисунков О. Бёрдслея[6].

«И в этом Лондоне, не в городе мира, а в мифическом городе, построенном из воспоминаний, зародились эти рассказы в моем мозгу, и разве я виноват после этого, что люблю Лондон, как любят мечту или Бога» [14, с. 9] — этим признанием автора можно подвести черту под английскими мотивами в его творчестве и подойти к мотивам мистическим.

Рис. 7. Титульный лист журнала «Современник», в котором опубликована поэма [16]

МИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

Мистицизму в творчестве Л.И. Страховского подвергается, прежде всего, не сюжетика его произведений, а их циклизация. Говоря о прозе, речь в первую очередь должна вестись о книге «Мистерия в восьми рассказах» [15] (рис. 6), само заглавие которой сигналит о необычном содержании. Заглавие созвучно жанровому определению «мистерия», данному своему произведению «Дьявол» соучастником Л.И. Страховского по «Веретену» и «Братству Круглого Стола» И.С. Лукашем[7]. Последнему в книге Л.И. Страховского посвящен рассказ «Скиф» [15, с. 31—43].

«Мистерия...» открывается прологом «Любовь» [15, с. 5—10] и завершается эпилогом «Смерть» [15, с. 69—74]. Рамками этого «Эроса» и «Танатоса» объединяются сюжетно самостоятельные основные картины мистерии. При всех намеках на мистериальность, мистицизм (в особенности рассказ из средневековой жизни «Ведьма» [15, с. 22—30]) для книги Л.И. Страховского сюжетообразующими являются не столько мистические озарения, сколько психологические переживания страсти и смерти. Мистическое переживание для писателя — это краткое затмение ума, в которое готово соскользнуть помраченное переживанием страсти либо смерти чувствительное сознание. Садомазохизм («Горбун» [15, с. 11—21]), восприятие на фоне раздвоения личности и фанатизм («Скиф»), суицид («Икар» [15, с. 55—61]) и др. — все это говорит в пользу не столько мистической, сколько патопсихологической составляющей фантазии Л.И. Страховского, лишь поверхностно обрамленной мистическими рамками. Мистерией предстает сама жизнь, сотканная из частных, едва не бытовых случаев, по какой-то причине соскальзывающих в иррациональное начало и, с точки зрения жизни и случая,

[6] Названиями соответствующих работ О. Бёрдслея озаглавлены автором части повести: «Рисунок первый: “Саломея”; «Рисунок второй: “Иродиада”»; «Рисунок третий: “Женщина в пудренице”».

[7] Книга Л.И. Страховского написана в 1923—1924 гг., мистерия «Дьявол» И.С. Лукаша вышла в 1922 году.

обретающих трагический финал. А Эрос и Танатос, заявленные в начале и в конце мистерии, ведут свою нескончаемую игру с любыми людьми в любые времена.

«Мистерия...» не была бы столь зримой, не будь снабжена оригинальной обложкой работы художника Л.И. Фрешкопа (1897—1982), отражающей в лице цыганской девушки эротизм, в лице низко пригнутой к земле хтонической старухи-монашенки — смерть, и все это на фоне сужающейся перспективы современных многоэтажек и шпилей готических башен в самой отдаленной ее точке.

В поэзии мистическая грань творчества Л.И. Страховского нашла отражение в позднем произведении «Рожденье Сатаны» [16] (рис. 7), носящем подзаголовок «Романтическая поэма». С одной стороны, он отсылает к романтизму Дж.Г. Байрона, с другой — к «Романтическим цветам» Н.С. Гумилева, включающим знаменитую «сатанинскую» ноту в стихотворении «Баллада». Однако тематически поэма Л.И. Страховского вполне независима и от английского романтизма, и от акмеизма, тяготея, скорее, к символистскому решению. Поэма состоит из трех частей с прологом и эпилогом, заглавия которых оригинально решаются в терминологии классической музыки: «Introductio», «Capricioso», «Andante Cantabile», «Misterioso», «Finale»[8]. Таким образом, произведение наследует Серебряному веку с его символистским обычаем условно принимать в качестве литературной формы форму симфоническую[9].

Однако такая циклизация поэмы оказывается интереснее ее поэтического и сюжетного решения. Последнее достаточно просто: Мая — героиня, некий утонченный женственный образ[10] — млеет в ожидании своего Принца. Их встреча завершается сладострастным актом любви, а наутро Мае открылась подмена Принца обыденным человеком. Когда после ряда психофизических терзаний она вторично видит Принца, он представляется ей ее сыном. В финале транслируются старинные пророчества о скором пришествии сатаны, порабощении им мира и готовности людей к его царствованию.

В этом произведении наиболее, чем во всем творчестве Л.И. Страховского, проявляется мистическое начало в собственном смысле слова. Однако ввиду незамысловатости сюжета и небезупречной техники стиха поэма остается малоубедительной.

В целом следует констатировать, что непосредственно мистическая тема, подхваченная, возможно, в творческом и дружеском взаимодействии с И.С. Лукашем, Л.И. Страховскому подчиняется слабо, но тем не менее оставляет заметный след в его творчестве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество Л.И. Страховского отличается тем, что стилистическое и тематическое начала в нем — как поэтическом, так и прозаическом — пребывают в подчас неразделимом взаимодействии и кроме того, не эволюционируют, а проявляются в любой период по мере необходимости. Поэтому уместно говорить о слитном, тематико-стилистическом разнообразии его творчества. Однако как стилистические, так и тематические грани подвергаются достаточно отчетливому наблюдению и констатации.

Отдавая дань символизму в его декадентском преломлении, Л.И. Страховский, не отступаясь от него, осваивает классический акмеизм, от которого, в свою очередь, добирается до высот поэтической школы Г.В. Иванова и Г.В. Адамовича[11] и достигает совершенства своего стиха именно здесь.

Тематически в творчестве Л.И. Страховского выделяются автобиографические, англофильские, мистические мотивы, однако уводящие читателя не в иррационализм и религиозность, но в ведущую к катастрофе экстремальность психического переживания. Его лирика экзистенциального характера (а таковой большинство) менее подвержена какой-ли-

[8] «Вступление», «Капризно», «Медленно и певуче», «Таинственно», «Финал».

[9] Напр., «Симфонии» Андрея Белого.

[10] Имя героини, возможно, содержит намек на понятие «Мауа» индийской религиозной философии, означающее, что зримый мир является лишь иллюзией.

[11] Рискнули бы условно обозначить ее «экзистенциальной».

бо тематической классификации, поскольку заведомо направлена в иное русло — глубинных обобщений, оттеняющее любые условные дробления на стили или темы.

Л.И. Страховскому превосходно удается циклизация собственного творчества, но при этом менее убедительно выходят чистые виды. Полностью акмеистский сборник стихов «У антиквара» проигрывает на фоне той его поэзии, где символизм и акмеизм при их смешении выдают глубоко экзистенциальные выводы. Имеющий истоки в символизме и декадансе сборник рассказов «Мистерия...» получает не символическое, а психопатологическое решение, нередко на бытовой основе. Заявленная как романтическая единственная поэма Л.И. Страховского «Рожденье Сатаны» оказывается недостаточно проработанной в принципе. И только в тех случаях, где Л.И. Страховский отказывается от чистых видов (сборники стихов «Ладья», «Долг жизни», отдельные стихи в периодике), его поэзия достигает высот лиры первой волны эмиграции вне зависимости от времени и условий создания произведений. В этом отношении Л.И. Страховский справедливо занимает свою несомненную нишу в пантеоне литераторов Серебряного века и «младшего акмеизма», а его несколько забытое ныне творчество требует самого непосредственного воспоминания.

Список источников

1. *Страховский Л.И.* Ладья : собрание стихотворений / сост. и коммент. А. Степанова. [Б. м.] : Salamandra P.V.V., 2017. 117 с. URL: https://vk.com/wall-70507703?offset=160&w=wall-70507703_557 (дата обращения: 10.05.2020).
2. *Страховский Л.И.* На младшем курсе: (Воспоминания о лицее) // Современник : журнал русской культуры и национальной мысли / под ред. проф. Л.И. Страховского. Торонто, [1960—1980]. 1961. № 4. С. 77—80.
3. *Страховский Л.И.* О Гумилеве. (1886—1921) // Современник : журнал русской культуры и национальной мысли. 1961. № 4. С. 60—61.
4. База данных «Книги на русском языке, изданные за рубежом, 1927—1991». URL: http://infoculture.rsl.ru/RSKD/asp/RUZ/uif_ruzar.htm (дата обращения: 10.05.2020).
5. *Чацкий Л.* Ладья : стихи. Берлин : Издательство Е.А. Гутнова в Берлине, 1922. 58 с.
6. *Страховский Л.И.* Из цикла «Смуглый Пьеро»: «Запах вашей пудры прян и сладок...» : [стихотворение] / Леонид Чацкий // Медный Всадник : альманах. Берлин : Медный всадник, [1923]. Кн. 1. 300 с.
7. *Страховский Л.И.* У антиквара : стихи. Брюссель : Издтельство русских писателей в Бельгии «Единорог», 1927. 17 с.
8. *Гумилев Н.С.* Наследие символизма и акмеизм // От символизма до «Октября» : [сборник] / сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. Москва : Новая Москва, 1924. 303 с.
9. *Страховский Л.И.* Долг жизни: Третья книга стихов. [Торонто : Б. и.], 1953. 60 с.
10. *Шеффауэр Г.Дж.* Корабль шампанского / пер. с англ. Леонид Чацкий. Берлин : Гутнов, 1922. 115 с. (Библиотека «Сполохи»).
11. *Мандельштам О.Э.* Утро акмеизма // Литературные манифесты: от символизма к Октябрю : сборник материалов / приготовили к печати Н.Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н.П. Сидоров. Москва : Федерация, 1929. 300 с.
12. *Страховский Л.И.* Из цикла «Война»: «Северное небо горит зарёй...» : [стихотворение] / Леонид Чацкий // Сполохи : литературно-художественный и общественный ежемесячный журнал / ред. Ал. Дроздов. Berlin : Е.А. Гутнов, 1922. № 13. 48 с.
13. *Страховский Л.И.* О современной английской литературе / Леонид Чацкий // Сполохи : литературно-художественный и общественный литературный журнал / ред. Ал. Дроздов. [Берлин] : Е.А. Гутнов, 1922. № 12. 57 с.
14. *Страховский Л.И.* Фантазии лорда Генри / Леонид Чацкий. Берлин : Е.А. Гутнов, 1922. 113 с. (Библиотека «Сполохи»).
15. *Страховский Л.И.* Мистерия в восьми рассказах. Брюссель : Единорог, 1926. 73 с.
16. *Страховский Л.И.* Рожденье Сатаны: Романтическая поэма // Современник : журнал русской культуры и национальной мысли / под ред. проф. Л.И. Страховского. Торонто, 1961. № 3. 64 с.

L.I. Strakhovsky: Between Symbolism and Acmeism (Based on Foreign Publications)

Nikolay N. Nosov
Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia
ORCID 0000-0001-6079-2677; SPIN 7786-8622
E-mail: Nossov1984@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to L.I. Strakhovsky (alias Leonid Chatsky; 1898—1963), a Russian writer and poet of the first wave of emigration, and his poetry and prose reflected in foreign publications of his works in Russian. Returning to our culture the name of this author, now half-forgotten in his homeland, and introducing this name into literary studies, the article tries to reveal the thematic and stylistic diversity of L.I. Strakhovsky's poetry and prose. The research's object is foreign publications of L.I. Strakhovsky's artistic works in separate books, almanacs and periodicals published in Belgium, Germany, Canada and identified through collection catalogues of leading Russian libraries (the Russian State library, the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad) and library resources that display foreign Russian-language publications by L.I. Strakhovsky. The article highlights and analyzes the main stylistic (symbolism, acmeism, "junior acmeism") and thematic (autobiographical, English, mystical) components of L.I. Strakhovsky's works, reveals the components' individual features, the originality of their constancy and mutual influence. The main of these features is that L.I. Strakhovsky's works can be stylistically periodized on the basis of the author's increased propensity to cyclize his works though without creative evolution in the usual sense and with the stable nature of his working throughout his life. To review the publications and analyze the nature of L.I. Strakhovsky's works, the article draws on the context of Russian and emigrant literature of his era, creatively associated with L.I. Strakhovsky and its main figures, and notes his literary and cultural influence.*

Key words: L.I. Strakhovsky, poetry, prose, symbolism, acmeism, "junior acmeists", autobiographical motives, English motives, mystical motives, thematic and stylistic diversity.
Citation: Nosov N.N. L.I. Strakhovsky: Between Symbolism and Acmeism (Based on Foreign Publications), *Observatory of Culture*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 426—437. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-4-426-437.

References

1. Strakhovsky L.I. *Lad'ya: sobranie stikhotvorenii* [Shallop: collected poems]. Salamandra P.V.V. Publ., 2017, 117 p. Available at: https://vk.com/wall-70507703?offset=160&w=wall-70507703_557 (accessed 10.05.2020).
2. Strakhovsky L.I. In the Junior Year: (Memories of the Lyceum), *Sovremennik: zhurnal russkoi kul'tury i natsional'noi mysli* [The Contemporary: Journal of Russian Culture and National Thought]. Toronto, 1961, no. 4, pp. 77—80 (in Russ.).
3. Strakhovsky L.I. About Gumilyov. (1886—1921), *Sovremennik: zhurnal russkoi kul'tury i natsional'noi mysli* [The Contemporary: Journal of Russian Culture and National Thought], 1961, no. 4, pp. 60—61 (in Russ.).
4. *Baza dannykh "Knigi na russkom yazyke, izdannye za rubezhom, 1927—1991"* ["Books in Russian Published Abroad, 1927—1991" Database]. Available at: http://infoculture.rsl.ru/RSKD/asp/RUZ/uif_ruzar.htm (accessed 10.05.2020).
5. Chatsky L. *Lad'ya: stikhi* [Shallop: poems]. Berlin, E.A. Gutnova v Berline Publ., 1922, 58 p.
6. Strakhovsky L.I. From the "Dark Pierrot" Cycle: "The Smell of your Facepowder Is Spicy and Sweet...", *Mednyi Vsadnik: al'manakh* [The Bronze Horseman: almanac]. Berlin, Mednyi Vsadnik Publ., book 1, 300 p. (in Russ.).
7. Strakhovsky L.I. *U antikvara: stikhi* [At the Antique Dealer: poems]. Brussels, Russkikh Pisatelei v Bel'gii "Edinorog" Publ., 1927, 17 p.
8. Gumilyov N.S. Legacy of Symbolism and Acmeism, *Ot simvolizma do "Oktyabrya"* [From Symbolism to "The October"]. Moscow, Novaya Moskva Publ., 1924, 303 p. (in Russ.).
9. Strakhovsky L.I. *Dolg zhizni: Tret'ya kniga stikhov* [The Debt of Life: The Third Book of Poems], 1953, 60 p.
10. Scheffauer H.G. *Korabl' shampanskogo* [Champagne Ship]. Berlin, Gutnov Publ., 1922, 115 p.
11. Mandelstam O.E. The Morning of Acmeism, *Literaturnye manifesty: ot simvolizma k Oktyabryu: sbornik*

materialov [Literary Manifests: From Symbolism to the October: collected materials]. Moscow, Federatsiya Publ., 1929, 300 p. (in Russ.).
12. Strakhovsky L.I. From the "War" Cycle: "The Northern Sky is Burning with the Dawn…", *Spolokhi: literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvennyi ezhemesyachnyi zhurnal* [The Flashes: Literary, Artistic and Social Monthly Journal]. Berlin, E.A. Gutnov Publ., 1922, no. 13, 48 p. (in Russ.).
13. Strakhovsky L.I. About Modern English Literature, *Spolokhi: literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvennyi literaturnyi zhurnal* [The Flashes: Literary, Artistic and Social Monthly Journal], E.A. Gutnov Publ., 1922, no. 12, 57 p. (in Russ.).
14. Strakhovsky L.I. *Fantazii lorda Genri* [Lord Henry's Airy Dreams]. Berlin, E.A. Gutnov Publ., 1922, 113 p.
15. Strakhovsky L.I. *Misteriya v vos'mi rasskazakh* [A Mystery in Eight Stories]. Brussels, Edinorog Publ., 1926, 73 p.
16. Strakhovsky L.I. The Birth of Satan: romantic poem, *Sovremennik: zhurnal russkoi kul'tury i natsional'noi mysli* [The Contemporary: Journal of Russian Culture and National Thought]. Toronto, 1961, no. 3, 64 p. (in Russ.).

ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИБЛИОТЕЧНОЙ АССАМБЛЕИ ЕВРАЗИИ»
научно-практический журнал некоммерческого партнерства «Библиотечная Ассамблея Евразии» и Российской государственной библиотеки.
ISSN 2658-4921(print), ISSN 2658-7351(online)
https://vestnikbae.rsl.ru/

Основан в 1993 г., с 2021 года выходит с периодичностью 2 номера в год (формат — 60×90 1/8, объем — 72 с.).
Цель журнала — публикация важнейших документов и сообщений по вопросам межкультурных и межбиблиотечных связей стран СНГ, результатов исследовательских проектов и практик библиотечно-информационной деятельности, а также освещение развития библиотековедения, книговедения, библиографоведения, информационных и смежных наук в странах Содружества Независимых Государств и за рубежом.
Особое внимание в журнале уделяется вопросам библиотечной политики как важнейшей составной части стратегии межгосударственных культурных и политических взаимоотношений в поликультурной среде; культурному осмыслению Евразийства и культуры мира.
Важное место занимают материалы, освещающие деятельность национальных библиотек стран СНГ и всего мира, внедрение библиотечных инноваций, раскрывающие богатейшие фонды библиотек на пространстве СНГ, а также поднимающие вопросы сохранности и реставрации фондов, продвижения книги и чтения. Немалое значение имеют публикации по обмену опытом в разных сферах библиотечной деятельности, в том числе по вопросам информатизации библиотек.
Журнал адресован библиотечным и информационным работникам, библиотековедам, книговедам, библиографам, преподавателям, аспирантам, студентам вузов и колледжей культуры и искусств, книгочеям, библиофилам.

☎ +7 (499) 557-04-70, доб. 10-64
e-mail: bvdogovor@rsl.ru
Адрес для визита: Воздвиженка, д. 1
(вход со стороны ул. Моховая,
от поста охраны позвонить
по тел. 10-64)

Журнал издается в печатной форме и распространяется по подписке. Подписные индексы по Объединенному каталогу «Пресса России» — 14464 (полугодовой), 33353 (годовой). Подписку на журнал можно оформить через любое подписное агентство, работающее в вашем регионе.
В редакции можно приобрести номера журнала за текущий год, а также подписаться на журнал на любой период.